

Фото автора

Борис ГОЛКИН

Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина — женщина, которую журналисты называют живой легендой. На ее памяти — Америка 20-х, Париж, Лондон, Майорка, лагеря Советской России. Две книги мемуаров, вышедшие в свет, рассказывают о ней и

жизни знаменитейших людей. Татьяна Ивановна известна как исполнительница романсов и переводчица, замечательный рассказчик.

Предметом нашего разговора с Татьяной Ивановной стал Жорж Сименон, ее большой друг, писатель, который, можно сказать, обязан ей российским читателем.

Татьянин день и вся жизнь

Без Татьяны Лещенко-Сухомлиной мы, может быть, не узнали бы Сименона

— Как вы познакомились с Сименоном?

— Задолго до встречи с ним — по его книгам. Узнав о моих переводах, Жорж решил незамедлительно встретиться со мной. Это был 1978 год. Я поехала в Женеву по приглашению своей знакомой. Но швейцарцы не пустили меня из-за отсутствия нотариального приглашения. Я была очень расстроена и, собрав всю свою смелость, снова пришла в посольство и сказала, что прошу посла дать мне визу, потому что сегодня мои именины и пусть это будет подарком. Служащая, которой я это сказала, удалилась, а когда вернулась, сказала: «Посол сделал для вас величайшее исключение. Сегодня действительно Татьянин день». Мне дали визу на три месяца.

Я нашла Сименона в его особнячке, который он называл «Мой маленький розовый дом». Увидев его, я рассмеялась: «Как хорошо, что вы на себя похожи!» То есть он оказался таким, каким я его представляла по фотографиям. И мы очень подружились. Он первый начал называть меня «Мой близкий друг».

— Как Сименон относился к женщинам?

— Жорж очень любил женщин, но ко мне он относился как к большому другу. На одной из фотографий он написал: «Татьяне, у которой все таланты, в том числе и талант дружбы. Любящий Сименон». Это была самая настоящая дружба, самая высокая, самая платони-

ческая. В первую же встречу он дал мне конверт с деньгами и сказал, что хочет, чтобы я узнала Швейцарию и могла это сделать удобно и беспрепятственно.

— Как Сименон знакомился со своими женами?

— Его будущая вторая жена пришла наниматься в секретарши. Сименон был пленен ее красотой и тут же предложил ей руку и сердце. Приблизительно то же самое случилось и с горничной его второй жены — Терезой. Жорж долго не замечал Терезы, но однажды, движимый желанием, он бросился на нее и... почувствовал ответное чувство. Они жили вместе до самой смерти Сименона.

— А первая жена?

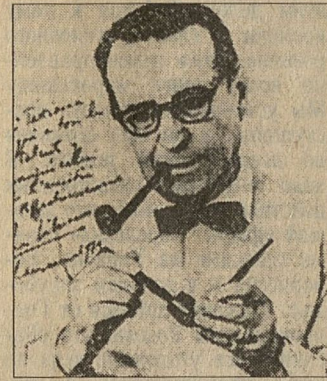
— Мирэль. Я могу только сказать, что она была прелестной женщиной. К сожалению, она сама ушла от Жоржа, но Жорж условился с ней, что даст развод, если она с сыном будет жить в том же городе, что и он. Мирэль согласилась.

— Мадам Мезрэ была похожа на жену Сименона?

— Я думаю, она была похожа на Терезу. Но ведь она не была его женой — мадам Сименон не давала развода. Жорж был богатым человеком. Он оставил огромное имение в горах над Лозанной, построенное по его плану. Он оставил свое состояние жене, сыновьям, Терезе и секретарше. При знакомстве с Терезой я спросила ее: «Вы супруга Жоржа?» «Мадам», — ответила она, — я его подруга, мы вместе семнадцать лет».

— Сименон был хорошим отцом?

— Да. Он очень любил своих детей. Однажды даже сказал, что если он не был бы писателем, стал бы воспитателем. Он любил возиться с детьми, катать их по всему свету. У Сименона было двое сыновей и дочь, которая в двадцать пять лет покончила жизнь самоубийством.

— Как это произошло?

— Очень грустная история. В 1979 году я снова приехала в Швейцарию. Один из важных моментов моих путешествий — посещение книжных магазинов. И вот в одном магазине я увидела книгу воспоминаний о совместной жизни супруги Сименона. «Жена мсье Сименона» — так она называлась. Прежде чем купить книгу, я решила узнать о ней побольше. Еду в Лозанну и спрашиваю у Сименона: «Что это за книга, Жорж?» — «Это книга моей жены». — «Это хорошая книга, интересная?» «Да, пожалуй, для психи-

атра интересная», — не моргнув глазом, ответил Сименон. «Почему?» — спросила я. «Ну... так...» И я больше ни о чем не спрашивала. А вечером по удивительной случайности смотрю у подруги телевизор. Французская передача «Встречи с самыми интересными людьми этой недели». Выступает мадам Сименон. Ведущий спрашивает у нее: «Как вы могли написать такую злую книгу, ведь это ваш муж?» Мадам Сименон — пожилая и безумно элегантная — извиняется, кривляется: «Да, но ведь он из мяса и костей, как и все мужчины!» Книга о Сименоне предстает для меня в реальном свете...

...И вдруг самоубийство. Мари-Жо (от Жозефины) — так звали дочь Сименона. Я связала эти два события. Дочь могла прочитать злую книгу матери о своем отце, которого она обожала. Для Сименона смерть дочери была страшным ударом, и в следующем году Жорж перенес тяжелую операцию на головном мозге. Он поправился, снова пригласил меня к себе и подарил свою книгу мемуаров, название которой я перевела как «Правда о самом себе». Он просил, чтобы я перевела эту книгу. Прочитав ее, я отправила письмо с ответом, что книга очень интересная, но я не хочу ее переводить, так как в ней слишком много интимных подробностей. В ответном письме Сименон написал, что согласен и разрешает делать со своей книгой все, что я сочту нужным. И я перевела только ма-

ленький кусочек. Прошло не так уж много времени, и умер сам Сименон.

— Сименон рано лишился отца, и матери он обязан не только своей жизнью, но и воспитанием, и родительской любовью...

— И даже любовью к России, мне кажется, он тоже ей обязан. Жоржу было пятнадцать лет, когда умер его отец. Мать очень нуждалась, она начала сдавать комнаты в их домике в Льеже. Преимущественно там жили русские студенты, которые приезжали учиться в Бельгию. Жорж страшно полюбил этих людей, он знал от них несколько русских слов, полюбил от них русских писателей. Кроме того, существовало семейное предание, что будто бы в двенадцатом году, когда русские войска шли на Париж, в Бельгии заболел русский солдат. Его приютил один фермер, вылечил, и дочь фермера вышла замуж за русского солдата. Солдата звали Симион (так написал это слово Жорж), и от него пошла фамилия Сименон.

— В Советском энциклопедическом словаре очень лестно написано о Сименоне, у него-де «подробности раскрытия преступлений сочетаются с элементами критики буржуазного общества, которое их порождает». Почему же так сложно и долго пробивались книги Сименона на советский книжный рынок?

— Не могу ответить. Сергей Емельяников, например, главный редактор одного из изда-

тельств, сказал мне, что не может быть хорошим писателем, который написал столько романов. У Сименона их около двухсот. Немного не дотянул до Бальзака, между прочим.

— Наш разговор хочу закончить вопросом о ваших мемуарах. Будет четвертая книга?

— Знаете, я очень интересуюсь восемнадцатым веком и, в частности, Бартоломео Растрелли. Я была в тех местах, откуда происходил зять Растрелли, нашла семью дочери Бартоломео и хочу написать об этом. Заканчивая свою третью книгу упоминанием о Бартоломео Растрелли, я оговорюсь: «Но о нем я напишу свою новую книгу». И добавлю словечко, которое обожаю: «Гм...» Но я не напишу четвертой книги, утверждать это слишком легкомысленно.

Очень не хочется дописывать, что судьбы четвертой книги Татьяны Ивановны, ее концертов под гитару и ее собственная судьба во многом сейчас зависят от денег. Требуется платная операция на ножном суставе. Предположительно, во Франции. Был бы жив Сименон, он, конечно же, предложил бы свой конверт с необходимой суммой. Но писателя нет, и приходится уповать на широкую русскую душу тех, кто может себе позволить такой поступок. А ведь для этого не так уж много и надо. Даже не обязательно быть меценатом. Достаточно быть джентльменом.

Лещенко-Сухомлиной Татьяна